

А. В. Дмитриев

Следственные практики в частях русской регулярной армии в Сибири во второй половине XVIII века

История формирования системы судопроизводства и деятельности следственных органов в Российской империи XVIII в. на сегодняшний день активно изучается исследователями. Достаточно назвать в этой связи работы Е. В. Акельева, Д. О. Серова и ряда других авторов¹. Однако до сих пор по большей части остаются в тени вопросы, связанные с функционированием следствия и суда в сфере военной службы, в частях регулярной армии империи, где уже с петровской эпохи применялись свои нормы права, а соответствующие процедуры осуществлялись на практике не гражданскими чиновниками, а армейскими офицерами, подчинявшимися генерал-аудитору Военной коллегии как высшей инстанции. Ни в работах дореволюционных исследователей, ни в современных публикациях мы не находим информации именно о механизмах проведения следствия одними военнослужащими в отношении других². Как правило, основное внимание на сегодняшний день уделяется деятельности собственно судебных учреждений и эволюции норм военного права³. Между тем изучение повседневной практики реализации следственных действий в частях регулярной армии не только позволяет выяснить, насколько полно могла быть установлена истина при расследовании преступлений, совершенных людьми в мундирах, но и показывает степень эффективности использовавшихся военными методов сбора данных, необходимых для вынесения судами приговоров. Поэтому мы сочли необходимым

обратиться к материалам ряда судебно-следственных дел из архива военного ведомства (фонд № 8 «Генерал-аудиторская экспедиция канцелярии Военной коллегии» Российского государственного военно-исторического архива), в которых содержатся сведения о проведении следственных мероприятий в отношении военнослужащих армейских частей на территории Сибири за вторую половину XVIII в.

Пожалуй, самые значительные затруднения встречали армейские офицеры, проводившие следствие по делам, связанным с нанесением материального или финансового ущерба государственной казне. В качестве примера подобного рода можно привести расследование по делу о растратах казенных денежных сумм комендантом Усть-Каменогорской крепости секунд-майором Варфоломеем Веревкиным, которое, начавшись с 1771 г., тянулось более десятка лет и не завершилось еще даже в 1785 г.! Поводом к началу следствия послужил донос купца Шилова, занимавшегося подрядными поставками провианта для войск Сибирского корпуса, на своего «коллегу» по подрядам, тульского купца В. Самсонова, о том, что последний «сам собою забрал» (т. е. самовольно получил) из комендантских канцелярий в нескольких крепостях по Иртышской линии (Ямышевской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской) до 20 или даже до 30 тыс. руб. Прочитав этот донос, тогдашний командующий Сибирским корпусом генерал-майор С. К. Станиславский велел полковнику С. Сумарокову заняться расследованием, для чего привлечь «из штаб или обер афицеров людей к тому способных и надежных, сколко к тому надобность востребует»⁴. Сумароков, затребовав из Усть-Каменогорской крепости ведомости о приходе и расходе денежной казны, обнаружил, что по одному только ведомству Генерального кригс-комиссариата из 27 с лишним тыс. руб., указанных в приходе, записаны в книгах выданными на жалование полкам только 12,5 тыс. руб., а остальные 14 с лишним тыс. «в расход нигде не записаны». Лишь в одном из указов Усть-Каменогорской комендантской канцелярии было упомянуто, «что оная отдана за поставку провианта купцу Василью Самсонову и товарищу ево Шилову, и за тем комисариатцкой суммы в наличности нисколько нет»⁵.

Генерал-майор Станиславский, придя в негодование, повелел произвести полную ревизию всей финансовой документации, находившейся в Усть-Каменогорской крепости: «Приход, расход и остаток рассмотреть, сличить и сообразить... все ли суммы сходны, и столко ли их в приход поступило, сколко поступить надлежало, и остаток прошлогодних сумм и нынешнаго году в книги тот ли занесен в приход, какой прошлого году в книгах значится, и есть ли на то пометныя формалныя ведомости, и расход из оных по законным ли осигнациям и документам употреблялся, и есть ли точныя на выдачу куда и коликого числа денег откуда указы или повелении, или без оных Усть Каменогорская каменданская канцелярия сама собою х какой либо незаконности и указам противной выдаче приступала»⁶. Однако с самого начала эта попытка

встретила непреодолимые затруднения, поскольку даже книг по тем или иным видам казенных сборов (подушному, питейному, соляному, конскому и пр.) в крепостной канцелярии не велось, а вместо них использовалась простая тетрадь, в которую вносились соответствующие записи по приказу командовавшего на линии до 1771 г. генерал-майора А. М. Хераскова (которого теперь уже сменил генерал-майор А. Д. Скалон).

Масла в огонь подлило и то обстоятельство, что при смене Веревкина в должности крепостного коменданта его преемник секунд-майор Алексей Самарин обнаружил, что в 1772 г. сумма сбора подушных денег с населения округа почему-то оказалась на 584 руб. 7,5 коп. меньше, нежели в предыдущем 1771 г., и задался резонным вопросом: «От чего остаток от 771 к 772 году денгам не сходен?»⁷ Получив соответствующее доношение, новый командующий Сибирским корпусом генерал-поручик И. А. Деколонг приказал начальствовавшему над крепостями Иртышской линии генерал-майору А. Д. Скалону распорядиться «о скорейшем сочинении и отсылке в Омскую коменданскую канцелярию о подушном зборе за прошлые годы месячных полугодовых и годовых рапортов»⁸. Однако выполнить это распоряжение оказалось невозможно, поскольку, как донесли Скалону из комендантской канцелярии, «подушного збору повытья здесь в заведении не было, да и дел о том, как подушныя денги вступали и збирались, не находитца, и с чего те отправленные за рукою господина коменданта Веревкина ведомости сочинялись неизвестно, да и тех книг прошлых годов подушного збору в канцелярии нет и от него, Веревкина, не здано»⁹. Пришлось организовывать следственную комиссию «о счислении казенных денежных сумм бытности прежняго господина коменданта Веревкина» во главе с премьер-майором Ф. Жолобовым. Эта следственная комиссия с самого начала своей работы встретила серьезные препятствия.

Уже в октябре 1772 г. Жолобов рапортовал, что «в приведении х концу... щета и образования денежной казны медлительность настоит от неприсылки в ту коммисию от бывшаго коменданта Веревкина асигнацей, по которым денежная казна в Усть Каменогорскую коменданскую канцелярию взошла, а потому и в книги записывана была, бес которых ревизования книг никоим образом производить не можно»¹⁰. На этом основании Скалон заподозрил, «нет ли какой фалши в записке в книги денег или сочинения асигнацей подложных», и приказал Жолобову держать бывшего коменданта и некоторых его подчиненных в канцелярии под стражей до тех пор, пока они не предоставят необходимую документацию. На основании записей в книгах Жолобов обнаружил, что на 1 сентября 1772 г. в Усть-Каменогорской крепости должны были находиться не менее 20 тыс. руб., поступивших от питейного, кригс-комиссариатского и подушного сборов, которые теперь и должен был предъявить следователям новый комендант Самарин. Однако последний был не в силах этого сделать, поскольку «денги разных сумм в приход и расход шли» непрерывно. Для правильного ведения бухгалтерии Самарин просил временно выдать обратно

предоставленные следователям приходно-расходные книги: «Понеже нынешняго году книги и документы всех денежных сумм от щетчиков отобранными и у оного разбирательства на ревизовании состоят, ис коих во многия книги за тем отбором по документам приход и расход не внесен... и для того нынешняго году книги для вноски в них сумм хоть на время, но ныне ж немедленно и персонально отдать, а когда занесены будут, тогда их паки для справок взять сие разбирательство может»¹¹. Поэтому следователи решили сначала заняться выявлением поступлений и расходов за предыдущие годы, но и здесь успеха не имели.

В ответ на попытки добиться от экс-коменданта предоставления комиссии ведомостей и рапортов о поступавших за соответствующие периоды денежных суммах Веревкин, нимало не смущаясь, заявлял в августе 1773 г., что «прежде сочиненные за весь 771 и 772 году по вторую половину рапорты учинены сходственно, и остаток от 771 и 772 году подушных и накладных денег по годам показан правильно... никаких де несходствиев не имеется и денежная казна из году в год остатком поступала сходственно»¹². Наличие же упомянутого выше долга в размере 548 руб. 7,5 коп. он категорически отрицал. Более того, саму финансовую документацию он тоже отказался предоставить: «Что ж де касается до сочинения за весь 771 и 772 годов по вторую половину о том подушном зборе месячных рапортов, то оные де не сочинены за тем, что расход денежной казне происходил тех годов толко в одних первых половинах, ис которых остаток из месячных рапортов видеть можно»¹³. Восстановить же эту документацию, как выяснила комиссия, было уже невозможно «за умертвием бывшего коменданского писаря Кошкарова, которой о том подушном зборе все ведомости и рапорты сочинял, никаких ведомостей и рапортов, кроме одного за 770 год черного годового рапорта, в делах не отыскано, и за тем, яко же и за бывшим пожаром и за згорением дел справитца нечем», так что «из здешней канцелярии всего того за прошлые годы обстоятелства и справки уже возыметь никакого способа не находитца, сколь бы сильное в том оной канцелярии присудствующаго старание не прилагалось»¹⁴.

Обнаружилась также пропажа 8 тыс. руб., которые были «приняты ис правянской суммы привезенныя из омской правянтмейстерской комиссии ис крепости Ямышевской в прошлом 770 году, а в приход записаны не были... должно им у нынешняго настоящаго коменданта быть в наличности, а их нет, и они по видимому все ушли или часть из оных зачотами и заменами в расход»¹⁵. Обращение в тобольскую кригс-комиссариатскую комиссию в поисках документов, которые могли бы пролить свет на судьбу денег, полученных от комиссариатского сбора, также не дало эффекта — комиссия ответила, что «о приходах и росходах дела и определении отосланы к ревизованию в Москву в государственную Ревизион коллегию, а по комиссии толко оставлены входящих и исходящих журналы, и потому в сей комиссии... повеленной ведомости сочинить не ис чево»¹⁶.

В 1774 г. премьер-майора Жолобова сменил во главе следственной комиссии секунд-майор Ф. Шахов. В отправленном последнему в ноябре того же года ордере генерал-поручик Деколонг с раздражением отмечал, что «усматриваетца вместо желаемого конца описываемые разные изнеможения к единственному препровождению времени без всякаго и малейшаго успеха», и грозил, что «за неприлежное старание непременно все находящиеся камисионеры штрафованы будут удержанием жалованья... а дабы и комендант Веревкин по требованиям коммиским без далной проволоочки надлежащая объяснению присылал, и естли в чем либо усмотритца напрасное и за одними гулянками продолжение, то по силе прежде посланных ордеров, несмотря на ево старшинство, содержать в коммисии по то время, поколь точнаго по тем коммиским требованиям исполнения учинено не будет»¹⁷.

Продолжая разбираться с нехваткой денег по разным статьям денежных сборов, комиссия Шахова в дальнейшем выявила еще целый ряд других случаев безвозвратной пропажи казенных средств, предназначавшихся для выдач крестьянам-посельщикам на покупку лошадей, за перевозку соли (причем эти деньги были выделены в 1770 г. «за неимением соляной из питейной суммы») и т. д. При этом, судя по всему, некоторые из подчиненных бывшего коменданта просто уничтожали компрометирующие их документы, как произошло, например, с тетрадами, содержащими записи денежных поступлений от раскольнического сбора. Эти тетради хранились у одного из бывших сборщиков, казака Посохова, и при взятии его под караул для проведения следствия были запечатаны «в собственном ево ящике за нутренным замком». Когда же казака пригласили к новому коменданту Самарину, то в присутствии Веревкина он обнаружил, что «у ящика печати нет, и нутреной замок отодран»¹⁸. Между тем в этих тетрадях должны были находиться записи о судьбе 4 тыс. руб., привезенных Веревкину неким раскольником Снигиревым и якобы пущенных на покупку у тобольского купца Шевырина большой партии овса. Однако, как заподозрил генерал-поручик Деколонг, экс-комендант мог просто присвоить себе эти деньги, поскольку «по учиненной имению ево в прошлом 773 году описи не более оказалось, как толко сто дватцать восемь рублей, и так в один год толикой суммы около четырех тысяч рублей издержать на свое содержание неупователно»¹⁹. Кроме того, бывший сборщик показал, что Веревкин в свое время брал «из казны на свои надобности» тысячу рублей серебряной монетой.

Однако расследовать все эти случаи до конца Шахов оказался не в силах, поскольку даже содержать бывшего коменданта под арестом, как того требовало законодательство, у него не было полномочий. Здесь вступала в силу служебная субординация, ибо секунд-майор Шахов не мог отправить под арест равного чином, но превосходившего его «старшинством» (т. е. произведенного в нынешний чин ранее по времени) Веревкина: «Почему бы и принадлежало с ним поступить в силу имевшихся при коммисии главнокомандующих гене-

ралитету повелений о содержании ево, господина Веревкина, безвыходно при комиссии, но как сей комиссии присутствующей старшинством ево моложе, то к содержанию и приступить не может»²⁰. Поэтому Шахов ничего не смог сделать. А уже в 1775 г. в ответ на два рапорта корпусного командира Деколонга, который жаловался, что «ни увещевании, ни другия употребленные способы по затверделой упорности каменданта Веревкина, которой уже в немалом похищении интереса по делу оказывается, не будут желаемого той каммисии успеха достигать»²¹, Военная коллегия предпочла просто умыть руки, переложив решение этого дела на него самого: «Приказали, как из репорта ево, генерал порутчика Деколонга, видно, хотя упоминаемой майор Веревкин в разхищении немалой суммы казенной денег и в утрате приходных и расходных книг и не признается, но по производимому в следственной комиссии о том делу оказывается подозрительным, то ему, генерал порутчику, поступать в том не иначе, как по законам, и о том к нему послать указ»²².

Известны и другие эпизоды, когда служебная субординация оказывалась препятствием для проведения следствия. Так, в 1767 г. командующий Сибирским корпусом генерал-поручик И. И. фон Шпрингер извещал Военную коллегия, что подполковник Селенгинского полевого пехотного полка К. Пекурин «в содержании слабом команды и непристойных поступках доходит к положению штрафа, но толко судяция, быв ниже ево рангом, что с ним учинить, не приступили»²³. Поэтому Шпрингеру пришлось дать специальную санкцию коменданту Селенгинска генерал-майору В. В. Якоби: «По разным доносительствам и показаниям в проследовании с командою чинимых по тракту доволных непорятках определено произвести следствие»²⁴. Тогда следствие действительно было открыто и доведено до логического завершения.

Однако в нашем случае ни Деколонгу, ни его преемнику генерал-поручику Н. П. Огареву не удалось добиться доведения следствия до конца, поскольку за вторую половину 1770-х — первую половину 1780-х гг. открывались все новые хищения, совершенные разными лицами из числа подчиненных коменданта Веревкина. Сам он сказался больным, так что в том же 1775 г. Деколонг предписывал уже сменившему Шахова в следственной комиссии секунд-майору И. Клеитину «коменданта Веревкина, послав подлекаря, при присутствии от комиссии ассесоров велеть освидетельствовать, и буде окажется действительно так жестоко болен, что в комиссию ходить не в состоянии, в таком случае в чем подлежит ответы и объяснении чрез посланных ассесоров и определеннаго за аудитора отбирать в ево квартире»²⁵. Клеитин даже не успел разобраться в порученном ему деле, как был переведен в Бийскую крепость комендантом, а его полномочия переданы секунд-майору Н. Полякову, который опять-таки не смог ничего сделать, поскольку уступал подсудимому «старшинством»: «В той каммисии председатель господин секунд майор Поляков подсудимаго коменданта Веревкина чином моложе, да и в заседании ассесоров кроме капитана Вязмина больше не имеетца»²⁶.

У следующего председателя комиссии, премьер-майора С. Красноперова (уже пятого по счету!), в 1778 г. случился конфликт с назначенным в состав комиссии «за аудитора» прапорщиком Бийского гарнизонного пехотного батальона А. Бабушкиным, который отправил командующему корпусом личное письмо, и «во оном дерзко отважился поносително включить, что комендант Самарин и пример майор Красноперов открыли скрытой яд на беднова Веревкина, что Самарин пресовершенной Веревкину неприятель научает Красноперова к тово погибели, и что Веревкину почти все сущия зла желатели»²⁷. За это прапорщика Бабушкина отрешили от должности, но и сам Красноперов потребовал увольнения, так что генерал-поручик Огарев вынужден был предложить возглавить эту комиссию назначенному вместо Самарина комендантом премьер-майору кн. С. Эрстову²⁸. Последний, очевидно, понял, что установить вину самого Веревкина теперь уже не представляется возможным, и предпочел сосредоточиться на поисках и наказаниях «стрелочников» — рядовых подчиненных экс-коменданта, которые, впрочем, точно так же не желали признавать свою вину, даже несмотря на допросы «с пристрастием».

Так, в 1779 г. Огарев требовал применить чрезвычайные меры к казачьему пятидесятнику и капралу: «Пятидесятник Ковшевников и капрал Горшков по следствию в роздаче заимообразно казенных денег винными уже нашлись, и в ыспытуемом от них обстоятельстве о неоказавшейся немалой сумме никакова признания и твердаго показания не делают, в таком случае по настоящим на них подозрениям во изыскание высочайшаго интереса, куда оной ими или кем другим утрачен либо расхищен, пристрастно спрашивать их Ковшевникова и Горшкова дозволяетца. Однако ж наперед еще их старатца к чистосердечному признанию приводить посредством судейскаго и священническаго увещевания, точно при том им внушая, что естли они добросовестно покажут правду, то освободятца от истязания, которому они в случае своего упорства неминуемо при пристрастных распросах подвергнутца. И буде сии последния увещевании желаемого успеха в ызведовании от них правды не возымеют, тогда уже к пристрастным распросам приступить, но с крайним разсмотрением и осторожностью, штоб сколько можно кровопролития уменьшено было»²⁹.

А в мае 1785 г., когда Веревкин уже успел умереть, комендант Семипалатинской крепости полковник И. Титов представил Огареву рапорт ставшего также полковником кн. Эрстова относительно еще одного из таких провинившихся — провиант-комиссара Шабанова, который «точно нашолся в незаписке перевезеннова в крепость Устькаменогорскую из крепости Семиполатной фарпоста Шульбинскова и из станца Озернова разнова казеннова хлеба, всего тысячи ста шеснатцати четвертей, пяти четвериков, трех гарнцов, и денег, выданных ему на попку овса, пятидесят одного рубля»³⁰. Эрстов сетовал, что Шабанов пытался «винность свою одними пустыми оправданиями выкрутить или словом заключить», чтобы «тем помешательством обратить во остановку» производимое следствие³¹. Комендант жаловался на то, что подследственный

всеми доступными способами задерживал рассмотрение дела судом и вынесение приговора, и даже в отчаянии заявлял: «Покорно прошу по чинимым правянт камисара Шабанова и еще впредь чаямым на присутствующих доносам утвердитца б прежде произведенное следствие на положении моем судящими или по недоверенности против протестов на суд Шабановских другому суду предастса»³².

Сменивший Огарева в должности корпусного командира как раз летом 1785 г. генерал-майор Н.С. Федцов, отправляя в октябре того же года очередной рапорт Военной коллегии, констатировал: «Как государственная Военная коллегия из обстоятельств онова усмотреть изволит, што расхищение денежной казны последовало из разных сумм, как то ис правянтской камисариатской, подушнова збора, поселщичей, соляной и питейной, по случаю слабаго правления комендантом Веревкиным от точнова за ним ненаблюдения и нетребования по годам подлежащих по званиям тех сумм отчетов бывшей Табольской губернской канцелярии табольскими генерал правянтмейстер лейтенантской и кригс цалмейстерской коммисиями»³³. Таким образом, под его пером часть ответственности перекадывалась с военных на чиновников, ленившихся ежегодно требовать от комендантов крепостей соответствующей отчетности. Впрочем, он также считал необходимым добиваться осуждения бывшего провиант-комиссара, поскольку вина его была доказана, и сам обвиняемый ее признал: «И он, Шабанов, в незаписанном им хлебе и деньгах в приход посылаемыми от нево в Табольскую генерал правянтмейстер лейтенантскую и в Омскую правянтмейстерскую коммисии месячными третными и годовыми ведомостями доказан, и сам при слушании генеральнаго экстракта под признательным в преступлении и незаписке, однако ж не во всем хлебе, пунктом подписался»³⁴.

Попытки же Шабанова представить себя «безвинно угнетенным» следователями Федцов решительно отвергал, оценивая его действия следующим образом: «Не на иной предмет, как единственно, делая об оной материи разнovidныя протесты, к точному продолжению и остановке произведеннаго и уже представленнаго следственнаго дела, которое и ныне не за иным чем представлением останавливалось, как в соображении прописанных в доношении ево, Шабанова, обстоятельств. А по сверке оных отнюдь на ево, Шабанова, такова угнетения, каковое он прописывает, не открылось»³⁵. Подобная тактика со стороны попадавших под следствие была совсем не редкостью: достаточно вспомнить, как еще в начале 1760-х гг. капитан Енисейского гарнизонного пехотного полка Щеголев пытался избежать наказания за свои преступления, выдумывая ложные доносы на якобы пристрастных к нему губернатора Ф.И. Соймонова и сибирского митрополита Павла³⁶. В данном случае, как видим, Шабанов сначала признал предъявленные ему обвинения, хотя и не в полном объеме, а уже после этого стал подавать протесты, «якоб от нево в той следственной коммисии представляемая оправдании не приемлются, и просил защищения»³⁷.

Не редкостью оказывались случаи, когда следователям просто не давали возможности допросить тех или иных подозреваемых, приводя для этого множество разных причин. В 1771 г. в Омской крепости сгорели несколько казенных хлебных магазинов. Расследование этого происшествия начал тогдашний командир корпуса генерал-поручик Деколонт, впоследствии продолжил бригадир А. Клавер, однако даже к 1780 г. оно еще не было завершено «за несобранием всех требуемых к тому следствию от разных мест уведомленей и принадлежащих к допросам людей». Среди тех, кого необходимо было допросить, оказались, в частности, двое офицеров Тобольских гарнизонных батальонов, капитан Барашков и поручик Соколов, однако на предписание об отправке их в Омск тогдашний сибирский губернатор Д. И. Чичерин дал совершенно замечательные ответы: «Капитан Барашков... от службы отставлен и ныне находится монахом в Соловецком монастыре, откудава он ево требовать не может, а поручик Соколов... в прошлом 779 году находился в Тоболской провиантмейстерской коммисии казначеем у немалой суммы, и бытности ево денежная казна не вся еще здана, и по книгам не сочтен, и квитанции не имеет. А в нынешней 780 год выбран он, Соколов, в Тоболской третьей баталион казначеем же и в ту должность вступил, почему ево ис Тоболска отлучить не можно»³⁸.

В 1781 г. в должность временно правящего должность губернатора (после отъезда Чичерина и до прибытия в Тобольск назначенного указом императрицы генерал-губернатором Пермского и Тобольского наместничеств Е. П. Кашкина) вступил обер-штер-кригс-комиссар Г. М. Осипов, который добился возобновления следствия в отношении здешнего провиант-комиссара Некрасова, еще одного из причастных к этому делу. Осипов распорядился отправить Некрасова из Тобольской обер-комендантской канцелярии в Омскую крепость к генерал-майору Огареву, чтобы тот произвел следствие с соблюдением формального порядка. Последний нехотя согласился исполнить его распоряжение, однако относительно возможности взыскать с виновных убыток в казну выразился недвусмысленно: «Желаемого успеха... достигнуть не можно по долгопрошедшему времени за разными выправками и вытребованиями касающихся по оным людей, из коих некоторые находятся в отсудственных командах и в дальних от оных отлучках, а другия уже и померли»³⁹.

А в своем рапорте генерал-аудитору З. Корнееву и Военной коллегии в начале 1782 г. командующий корпусом и вовсе открыто заявил, что не видит никакой возможности провести следствие по этому, а равно и другим подобного рода делам. Огарев ссылался, в частности, на канцелярскую волокиту, «в рассуждении от Таболска неближнаго разстояния, состоящаго около 600 верст, там не толко касающихся людей и выправок, но и на требование уведомления ис тамошних присудственных мест по учрежденной оттуда в неделю одной одинарной почте не скоряе, как в три недели получить можно». Кроме того, ряд фигурантов этих дел уже скончались, а среди них были провиантмейстер полковник Булгаков, штаб-лекарь Гибовский и другие лица, «чрез которых надле-

жало о немаловажных по тому делу обстоятельствах изыскать, но за смертью их теперь принуждено будет то изыскание делать по произшедшим околичностям с немалым неудобством и продолжением времени»⁴⁰. Действительно, расследование так и не увенчалось наказанием сколько-нибудь значительного числа виновных и возмещением казне понесенных убытков⁴¹.

Наконец, в ход следствия могли вмешиваться сослуживцы обвиняемого с целью воспрепятствовать осуществлению правосудия. Когда в партии офицеров, определенных в Селенгинский полевой пехотный полк, следовавшей из Тобольска в Забайкалье, в октябре 1765 г. произошло убийство прапорщиком Ерохиным поручика Чичагова, то командир партии подполковник Пекурин заключил обвиняемого Ерохина под арест и подготовил рапорт о произошедшем на имя генерал-майора В. В. Якоби. Однако конверт, в который этот рапорт, как полагается, был запечатан при отправке из Тобольска, в Томске вскрыл один из офицеров той же партии, поручик Иван Попов, после чего, явившись 5 ноября 1765 г. в кордегарию тюремного острога, где содержался арестованный Ерохин, сначала сообщил ему о том, что документ находится в его руках, а вечером следующего дня, 6 ноября, сам принес ему этот рапорт для прочтения вместе с приложенными к нему протоколами «учиненных матери ево, Ерохина, и того дому, где он в Молчановском погосте на квартире стоял, хозяйке крестьянской жене двух допросов»⁴². Вероятно, поручик полагал, что это поможет арестованному разработать выгодную тактику поведения во время следствия и на суде, тем более что документы он после этого уничтожил («изодрал») своими руками. Правда, сам Ерохин впоследствии донес на Попова, видимо, рассчитывая тем самым смягчить собственную участь. Но поскольку он сделал соответствующее заявление далеко не сразу, то лишь добавил себе обвинение «в умышленном об оном при суде сперва в допросех заpiresательстве и несправедливом разно чинимом показании и тем в наведении военному суду немалого следствию производством утрудения»⁴³.

Сам поручик Попов после этого поначалу отказывался признаваться в содеянном, чем также добавил себе обвинение «в чинимом о том при суде в первом допросе с некоторым заpiresательством умышленно несходственным показании». В дальнейшем, правда, он принес повинную и дал признательные показания. Но даже это признание не спасло его от весьма сурового наказания — «лиша всех чинов, написать в рядовые вечно». Интересно, впрочем, что для вынесения такого приговора военный суд опирался на, казалось бы, не имеющие прямого отношения к делу статьи нескольких законодательных актов. В частности, в соответствующей перечневой выписке фигурировали ст. 259 гл. 10 Соборного уложения, вообще-то посвященная ложным заемным кабалам, и пункты 28 и 35 Артикула воинского (о неисполнении приказов, за что действительно полагалось разжалование в рядовые)⁴⁴. Только ссылка на гл. 50 Генерального регламента вполне соответствовала существу преступления: «1. Когда кто злым образом на время, или вовсе, тайно из коллегийных писем и документов что

унесет <...> 4. Когда кто постороннему, кому не надлежит тайности коллегийны сообщить резолюции, прежде времени объявит протоколы, и потом которого члена голос или мнения покажет»⁴⁵. Нормы «тайности», принятые для учреждений центрального государственного управления, таким образом, оказались применены в военной сфере.

Как видим, лицам, осуществлявшим следствие в отношении военных чинов Сибирского корпуса, далеко не всегда удавалось выполнить стоявшие перед ними задачи. Причинами этого могли выступать недостаток полномочий и невозможность вызова для допросов нужных лиц, канцелярская волокита, утрата необходимых документов, различные ложные доносы, подававшиеся подследственными для затягивания времени, прямое вмешательство посторонних. Все это, среди прочего, помогает понять, почему чрезвычайно суровые нормы имперского законодательства XVIII столетия вообще и действовавшие в военной сфере в частности не оборачивались на практике постоянным вынесением соответствующих приговоров и многочисленными казнями обвиняемых. Таким образом, есть основания полагать, что ключевой принцип юриспруденции с эпохи Нового времени вплоть до наших дней — неотвратимость наказания, мог оставаться в этих условиях лишь на бумаге, не всегда воплощаясь в действительности.

-
- ¹ История следствия в России. М., 2017; *Акельев Е. В., Бабкова Г. О.* 1) Практика розыскного процесса в Сыском приказе (1730–1750-е гг.) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2011. № 4-1. С. 13–26; 2) «Дабы розыски и пытки могли чинитца порядочно, как указы повелевают»: Эволюция теории и практики «розыскного» процесса в России первой половины XVIII в. // *Cahiers du Monde Russe*. 2012. Т. 53. No. 1. P. 15–39; *Серров Д. О.* 1) Судебная реформа Петра I. Историко-правовое исследование. М., 2009; 2) Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» (Из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // *Lex Rossica*. 2013. № 2 (Т. LXXV). Февраль. С. 113–121; *Калашников Г. В.* Офицеры под судом и следствием. Из истории офицерского корпуса русской армии (1725–1745) // *Кодекс-инфо*. 2000. № 2. С. 80–87.
- ² *Розенгейм М. П.* Очерки истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878; *Бобровский П. О.* Военное право в России при Петре Великом. М., 1882; *Петухов Н. А.* История военных судов России. М., 2003.
- ³ *Кутафин О. Е.* Судебная власть в России: история и документы: в 6 т. М., 2003. Т. 2; *Григорьев О. В.* Артикул воинский и «Краткое изображение процессов и судебных тяжб» как основа отправления правосудия в русской армии в XVIII в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 1. С. 28–39; *Ковалев К. С.* Развитие военно-уголовного законодательства: от Петра I до Александра I // *Общество: философия, история, культура*. 2016. Вып. 6. С. 46–49; *Мартынов В. Ф.* 1) Развитие военно-дисциплинарного законодательства в период правления Петра I // *Власть*. 2012. № 12. С. 163–166; 2) Развитие военно-дисциплинарного законодательства в период правления Екатерины II // *Армия и общество*. 2012. № 1. С. 82–87.

- 4 Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 8. Оп. 5. Д. 994а. Л. 3.
- 5 Там же. Л. 2 об.
- 6 Там же. Л. 3 об.
- 7 Там же. Д. 143. Л. 17 об.
- 8 Там же. Л. 17.
- 9 Там же. Л. 17 — 17 об.
- 10 Там же. Д. 994а. Л. 424.
- 11 Там же. Л. 582 об., 585.
- 12 Там же. Д. 143. Л. 18 об. — 19.
- 13 Там же. Л. 19.
- 14 Там же. Л. 19 об.
- 15 Там же. Д. 994б. Л. 285 — 285 об.
- 16 Там же. Л. 383.
- 17 Там же. Л. 684 — 684 об.
- 18 Там же. Д. 994в. Л. 2 об.
- 19 Там же. Л. 1 об.
- 20 Там же. Д. 143. Л. 28.
- 21 Там же. Л. 72.
- 22 Там же. Л. 72 — 72 об.
- 23 Там же. Оп. 4. Д. 411. Л. 2.
- 24 Там же.
- 25 Там же. Оп. 5. Д. 994в. Л. 467 об.
- 26 Там же. Д. 994г. Л. 124.
- 27 Там же. Л. 254 об.
- 28 Там же. Л. 293–294.
- 29 Там же. Л. 402 — 402 об.
- 30 Там же. Д. 994. Л. 1 — 1 об.
- 31 Там же. Л. 80.
- 32 Там же. Л. 80 об.
- 33 Там же. Л. 1.
- 34 Там же. Л. 1 об.
- 35 Там же. Л. 2.
- 36 См. об этом: *Дмитриев А. В.* Военное судопроизводство в армейских частях на территории Сибири в XVIII в.: официальный механизм и реальная практика // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 76–78. URL: <http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-1-06.pdf>.
- 37 РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 994. Л. 1 об.
- 38 Там же. Оп. 6. Д. 322. Л. 1.
- 39 Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 248. Оп. 69. Кн. 6082. Л. 923.
- 40 Там же. Л. 923 об. — 924.
- 41 См. подробнее: *Дмитриев А. В.* Конец карьеры сибирского губернатора Д. И. Чичерина: дело о заготовлении провианта для войск Сибирского корпуса // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 2. С. 62–67.
- 42 РГВИА. Ф. 8. Оп. 4. Д. 411. Л. 12 об., 422 об.
- 43 Там же. Л. 423.
- 44 Там же. Л. 424 об. См. также: *Соборное Уложение 1649 г. Текст. Комментарии.* Л., 1987. С. 61; *Российское законодательство X–XX вв.*: в 9 т. М., 1986. Т. 4. С. 333–334.
- 45 Реформы Петра I. Сборник документов. М., 1937. С. 132.

References

- AKELIEV E. V., BABKOVA G. O. "Daby rozyski i pytki mogli chinittsa poryadochno, kak ukazy povelevayut": Evolyutsiya teorii i praktiki "rozysknogo" protsessa v Rossii pervoi poloviny XVIII v. ["So that searches and tortures could be managed decently, as the decrees command": The evolution of the theory and practice of the "search" process in Russia in the 1st half of the 18th century. In Russ.] // Cahiers du Monde Russe. 2012. Vol. 53. No. 1. P. 15–39.
- AKELIEV E. V., BABKOVA G. O. *Praktika rozysknogo protsessa v Sysknom prikaze (1730–1750-e gg.)*. [The practice of the search process in the Sysknoi prikaz (1730s–1750s). In Russ.] // Istoriko-pravovoye problemy: novyi rakurs. 2011. No. 4–1. P. 13–26.
- BOBROVSKY P. O. *Voennoe pravo v Rossii pri Petre Velikom*. [Military law in Russia under Peter the Great. In Russ.]. Moscow, 1882.
- GRIGORYEV O. V. *Artikul voinskii i "Kratkoe izobrazhenie protsessov i sudebnykh tyazhb" kak osnova otpravleniya pravosudiya v russkoi armii v XVIII v.* [Military article and "A brief image of trials and litigation" as the basis for the administration of justice in the Russian army in the 18th century. In Russ.] // Istoricheskaya i sotsial'no obrazovatel'naya mysl'. 2018. Vol. 10. No. 1. P. 28–39.
- DMITRIEV A. V. *Konets kar'ery sibirskogo gubernatora D. I. Chicherina: delo o zagotovlenii provianta dlya voisk Sibirskogo korpusa* [The end of Siberian governor D. I. Chicherin's career: the case of purchasing provision for Siberian corps' troops. In Russ.] // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2016. Vol. 23. No. 2. P. 62–67.
- DMITRIEV A. V. *Voennoe sudoproizvodstvo v armeiskikh chastyakh na territorii Sibiri v XVIII v.: ofitsial'nyi mekhanizm i real'naya praktika* [Military proceedings in the army units at the territory of Siberia in the 18th century: official mechanism and real practice. In Russ.] // Istoricheskii kur'er. 2018. No. 1. P. 74–83. URL: <http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-1-06.pdf> (date of access 05.03.2021).
- Istoriya sledstviya v Rossii*. [The history of the investigation in Russia. In Russ.]. Moscow, 2017.
- KALASHNIKOV G. V. *Ofitsery pod sudom i sledstviem. Iz istorii ofiterskogo korpusa russkoi armii (1725–1745)* [Officers under trial and investigation. From the history of the officer corps of the Russian army (1725–1745). In Russ.] // Kodeks-info. 2000. No. 2. P. 80–87.
- KOVALEV K. S. *Razvitie voenno-ugolovnogo zakonodatel'stva: ot Petra I do Aleksandra I* [Development of military criminal legislation: from Peter I to Alexander I. In Russ.] // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2016. Iss. 6. P. 46–49.
- KUTAFIN O. E. *Sudebnaya vlast' v Rossii: istoriya i dokumenty: v 6 t.* [Judicial power in Russia: history and documents: in 6 vols. In Russ.]. Moscow, 2003. Vol. 2.
- MARTYNOV V. F. *Razvitie voenno-distiplinarnogo zakonodatel'stva v period pravleniya Ekateriny II* [Development of military disciplinary legislation during the reign of Catherine II. In Russ.] // Armiya i obshchestvo. 2012. No. 1. P. 82–87.
- MARTYNOV V. F. *Razvitie voenno-distiplinarnogo zakonodatel'stva v period pravleniya Petra I* [Development of military disciplinary legislation during the reign of Peter I. In Russ.] // Vlast'. 2012. No. 11. P. 163–166.
- PETUKHOV N. A. *Istoriya voennykh sudov Rossii*. [History of Russian military courts. In Russ.]. Moscow, 2003.
- Reformy Petra I. Sbornik dokumentov*. [Reforms of Peter I. Collection of documents. In Russ.]. Moscow, 1937.
- Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t.* [Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 vols. In Russ.]. Moscow, 1986. Vol. 4.
- ROZENGEIM M. P. *Ocherki istorii voenno-sudnykh uchrezhdenii v Rossii do konchiny Petra Velikogo*. [Essays on the history of military court institutions in Russia before the death of Peter the Great. In Russ.]. St. Petersburg, 1878.
- SEROV D. O. *Sudebnaya reforma Petra I. Istoriko-pravovoe issledovanie*. [Judicial reform of Peter I. Historical and legal research. In Russ.]. Moscow, 2009.
- SEROV D. O. *Zabytye redaktsii Artikula voinskogo i "Kratkogo izobrazheniya protsessov ili sudebnykh tyazhb"*. *Iz istorii kodifikatsii voennogo zakonodatel'stva Rossii XVIII v.* [Forgotten editions of the Military article and the "Brief image of trials or lawsuits". From the history of the codification of the military legislation of Russia in the 18th century. In Russ.] // Lex Rossica. 2013. No. 2 (Vol. LXXV). February. P. 113–121.
- Sobornoe Ulozhenie 1649 g. Tekst. Kommentarii*. [The Cathedral Code of 1649. Text. Comments. In Russ.]. Leningrad, 1987.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. В. Дмитриев. Следственные практики в частях русской регулярной армии в Сибири во второй половине XVIII века // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 8–22

Аннотация: Статья посвящена изучению следственных практик при выявлении и подготовке материалов для судебного разбирательства по делам о преступлениях, совершенных военными чинами Сибирского корпуса во второй половине XVIII в. Механизмы проведения следствия в рамках военной юстиции Российской империи для данного периода до сих пор остаются совершенно неисследованным феноменом. Изучение практик реализации следственных действий в частях регулярной армии позволяет оценить, насколько полно и точно могла быть установлена истина при раскрытии преступлений, совершенных военнослужащими, а также показывает степень эффективности действий, применявшихся военными следователями для сбора информации, необходимой для судебного разбирательства.

Основное внимание уделено следствию по делу о растратах коменданта Усть-Каменогорской крепости секунд-майора Веревкина, продолжавшемуся в течение 15 лет. В конечном итоге военному командованию так и не удалось добиться полного осуждения бывшего коменданта и его подчиненных. Причинами такого исхода явились недостаток полномочий следователей, канцелярская волокита, утрата необходимых документов, ложные доносы, подававшиеся подследственными. В других случаях следователям просто не давали возможности допросить кого-либо из подозреваемых. Иногда в ход следствия могли вмешиваться сослуживцы обвиняемых, желая воспрепятствовать осуществлению правосудия. Исследованные казусы наглядно показывают, почему весьма жесткие нормы имперского законодательства XVIII в., действовавшие в военной сфере, не приводили к вынесению соответствующих смертных приговоров и казням обвиняемых. Это дает основания утверждать, что один из ключевых принципов юриспруденции — неотвратимость наказания, в таких условиях не всегда мог воплотиться на практике.

Ключевые слова: русская регулярная армия, Сибирь, XVIII в., следственные практики, судебные дела.

FOR CITATION

A. V. Dmitriev. Investigative practices in the Russian regular army units in Siberia in the 2nd half of the 18th century // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 8–22

Abstract: The paper is devoted to the study of investigative practices, needed for collecting and preparing materials for trial in cases of crimes, committed by military officials of the Siberian corps in the 2nd half of the 18th century. The mechanisms of investigation within the military justice of the Russian Empire for this period still remain a completely unexplored phenomenon. The study of the practices of investigative actions in the units of regular army allows us to assess, how fully and accurately the truth could be established, when solving crimes committed by military personnel. It also shows the degree of effectiveness of the actions, used by military investigators to collect necessary information for the trial.

The main attention is paid to the investigation about the embezzlement of the commandant of the Ust-Kamenogorsk fortress, Major-General Verevkin, which lasted for 15 years. In the end, the military command failed to achieve a full conviction of the former commandant and his subordinates. The reasons for this outcome were the lack of powers of investigators, clerical red tape, loss of necessary documents, false denunciations filed by the defendants. In other cases, investigators were simply not given the opportunity to question any of the suspects. Sometimes the co-servicemen of the accused could interfere in the course of the investigation, wanting to obstruct the administration of justice. The studied cases clearly show why the very strict norms of the imperial legislation of the 18th century, which operated in the military sphere, did not lead to the imposition of appropriate death sentences and executions of the accused. This gives grounds to assert that one of the key principles of jurisprudence — the inevitability of punishment, in such conditions could not always have its incarnation into practice.

Key words: Russian regular army, Siberia, 18th century, investigative practices, court cases.

Автор: Дмитриев, Андрей Владимирович — д. и. н., доцент, и. о. зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета.

Author: Dmitriev, Andrey Vladimirovich — Dr. of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Novosibirsk State University.

E-mail: khaldeus@academ.org

ORCID: 0000-0001-9211-0407